

ДИСКУССИИ

УДК 811.161.1'27

ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.01.11

Kod BAK 10.02.19

В. В. Дементьев

Саратов, Россия

V. V. Dementiev

Saratov, Russia

ОБ ОЦЕНОЧНОСТИ И АБСОЛЮТИЗАЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:

к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой
и М. В. Безродным о «лингвонарциссизме»

Аннотация. Статья продолжает дискуссию о «лингвонарциссизме» российских лингвистических исследований, начатую в прошлом номере нашего журнала статьями А. В. Павловой и М. В. Безродного и А. Д. Шмелева. Автор выступает против абсолютизации отдельных свойств языка и научных проблем в различных направлениях языкознания.

Ключевые слова: абсолютизация; криптолингвистика; тип языковой личности; концепт; хомскианство; универсальный семантический метаязык; Новомосковская школа изучения концептов.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет.

Контактная информация: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

e-mail: dementevvv@yandex.ru.

ON THE EVALUATION AND ABSOLUTIZATION IN LINGUISTIC RESEARCH WORKS:

to the discussion of A. D. Shmelev with A. V. Pavlova
and M. V. Bezrodny of «lingonarcissism»

Abstract. The article continues the discussion of «lingonarcissism» in Russian linguistic research works started in the previous issue of the magazine in the articles by A. V. Pavlova, M. V. Bezrodny and A. D. Shmelev. The author is against absolutization of certain language qualities and scientific problems in different spheres of linguistics.

Key words: absolutization; cryptolinguistics; type of language personality; concept; Chomskianstvo; universal semantic meta-language; New Moscow school of concept study.

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Вопрос, вынесенный в название статьи А. Д. Шмелева «Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением „лингвонарциссизма“?» [Шмелев 2011], меня поначалу удивил. Авторы статьи «Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма» [Павлова, Безродный 2011], против положений которой направлен полемический пафос статьи А. Д. Шмелева, вовсе не утверждали, что любое научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма», — а только выполненное в рамках популярного в настоящее время культурологического направления: с привлечением широкого культурного контекста, с использованием понятия «национального характера».

Наверное, сегодня нет необходимости доказывать общую правомерность и научную ценность именно такого культурологического изучения русского языка и речи, то, насколько активно и во многом успешно развивается данное направление в России, где уже сформировался целый ряд научных центров (кроме Москвы — Волгоград, Воронеж, Иркутск, Екатеринбург, Кемерово, Саратов и др.), защищены, без преувеличения, сотни кандидатских и докторских диссертаций по данной проблематике.

В то же время, как довольно часто бывает в случае особенно активного развития какого-либо научного направления, в некоторых исследованиях и предлагаемых моделях размываются границы рассматриваемых явлений.

В современной культурологической лингвистике объединяются (а во многих весьма почтенных работах и цитируются в «чисто научных» контекстах, в теоретических разделах, т. е. с целью раскрыть важнейшие теоретические положения данной концепции) и философские Фрейд и Юнг, и эстетские Ницше и Борхес, и приземленный Карнеги, и игривый Берн, а также многочисленные мемуарные, биографические, путевые заметки, дневники, хроники, принадлежащие перу наивных практиков (например, билингов, эмигрантов и т. д.) и практиков-профессионалов (например, психологов, проводящих тренинги) и, разумеется, писателей и публицистов. В этом отношении многие работы, публикуемые в современных изданиях в разделах «лингвистика», и даже диссертации, защищаемые по лингвистическим специальностям, иногда мало отличаются от очерченного круга малопочтенных и несерьезных (с их же точки зрения) изданий — разве что разительно меньшим числом читателей...

В таких лингвистических, и особенно окололингвистических исследованиях действительно иногда встречается то, что с некоторой натяжкой может быть названо лингвонарциссизмом.

В. Н. Базылев [Базылев 2009] говорит даже о появлении в этом ряду целого направления — «криптолингвистики», основными целями которой провозглашаются повышение интереса к родному, русскому языку, повышение его роли, влияния и оценки в мире, наконец,

заявление «об истинной функции и миссии России» [Там же]. В этом отношении весьма красноречивы цитаты, приводимые В. Н. Базылевым: *Можно предположить, что геоситуация на этой планете устроена таким образом, что именно эта часть суши с живущим на ней народом является источником всего и координатором всего <...> Русские заботятся о человечестве как мать заботится о своем дитя. Таких подвигов не совершал ни один народ <...> Россия была и остается центром мира. Отсюда вышло человечество <...> Она остается хозяйкой мира <...> Россия делает все, чтобы не допустить невозможности недостижения человечеством некой высшей цели, о которой мы пока еще не знаем* [Драгункин 2005: 36]; *В рамках рассматриваемой темы следует подчеркнуть значение определенных „священный язык“, „священная книга“ или „священное писание“. Жрецы и посвященные знали всегда, что язык по своей сущности является не только средством межчеловеческого общения, но и средством общения человека с Космосом (Всевышним, Богом, системой Высшего Разума и его Иерархией). Священным языком мог быть только внутриприродный язык с внутриприродной смысловой матрицей. Этому языку должен соответствовать „святой алфавит-письмо“, полученный путем „божественного откровения“, то есть из Единого резонансного информационно-энергетического поля экстрасенсорным или пондемоторным путем через пророков, жрецов, экстрасенсов, контактеров. <...> Именно таким всегда являлся алфавит и язык, который в настоящее время называется русским. Священные алфавиты и языки, в частности такие, как: язык Моисея (исторического предводителя доветхозаветных иудеев), санскрит, греческий, латинский, имели основу русского алфавита и языка. <...> Данная работа представляет доказательства, что современный русский алфавит из 33-х букв и язык является тем самым святым алфавитом и языком, который может помочь человечеству продолжить свою эволюцию во Вселенной (если у человечества реально появится такое желание)* [Плешанов 2002: 13—16]. Данное направление становится особенно популярным в последние годы, хотя В. Н. Базылев пытается доказать его достаточно давние истоки (так, по его мнению, типичным криптолингвистом был Н. Я. Марр).

Думается, однако, что в таких случаях следует говорить все же не столько о лингвонарциссизме, сколько об общей оценочности, каковая оценочность в лингвистических и — шире — научных исследованиях уже принесла немало бед.

Так, в начале XX в. широко обсуждалась пагубная роль оценочности в лингвистической типологии — а еще раньше это привело к беспрецедентному запретительному решению Французской академии о прекращении

приема к рассмотрению работ по стадильной типологии как типологии с неизбежностью оценочной [Алпатов 2001: 92]. Вот что писал по этому поводу Э. Сепир: *Один прославленный американский специалист по вопросам культуры и языка во всеуслышание изрек, что, по его мнению, как бы ни уважать говорящих на агглютинативных языках, все же для „флективной“ женщины преступно выйти замуж за „агглютинативного“ мужчину. Как будто ставились на карту колоссальные духовные ценности! Поборники „флективных“ языков привыкли гордиться даже иррациональностями латинского и греческого языков, за исключением случаев, когда им оказывается удобным превозносить глубоко „логический“ характер этих языков. Между тем трезвая логика турецкого или китайского языка оставляет их равнодушными. К великолепным иррациональностям и формальным сложностям многих „диких“ языков у них сердце не лежит. Сентименталисты — народ трудный!* [Сепир 1993: 119].

В этом отношении — по своей отрицательной роли в науке — ничем принципиально не отличаются от лингвонарциссизма как будто бы противоположные, но в такой же степени оценочные концепции, положения, высказывания, принадлежащие многим известным лингвистам (особенно в их популяризаторской деятельности).

Так, В. И. Жельвис в своей брошюре «Эти странные русские» (широко известная во всем мире серия «Внимание: иностранцы») описывает *русский национальный характер*, чередуя весьма тонкие наблюдения над культурой и языком с занимательным пересказом довольно тривиальных стереотипов: *Русские любят собираться в толпу. <...> не верьте русскому, когда он жалуется на переполненные автобусы: ему нравится эта полуразрушенная конструкция <...> Русские предпочитают соблюдать правила дисциплинированности, сдержанности, скромности, не желая выделяться на общем фоне* (выделено мною. — В. Д.). Как и следовало ожидать, рассуждения такого рода приводят В. И. Жельвиса к политическим (иногда весьма радикальным) оценкам государственного строя, социально-экономических формаций и т. д.: *Русским коммунистическим вождям было не так трудно заставить крестьян объединиться в колхозы, как коммунистам Восточной Германии, Польши или Румынии* [Жельвис 2002].

Такой оценочный подход, как правило, являющийся следствием популяризации и стереотипизации, иногда характерен и для работ по теоретическим проблемам общения: см. выделенные нами характеристики в описании И. А. Стерниным и М. А. Стерниной [Стернин, Стернина 2001] *американского коммуникативного поведения* в сравнении с русским: *Американцы обычно честны сами и предполагают честность тех, кто имеет с ними дело, с кем они сталкиваются, взаимодействуют. Привыкли к честности американцы исключи-*

тельно **доверчивы**, их легко обмануть, **особенно русским**. <...> Американское общение более деловито, прагматично, американцы **более правдивы** в сообщаемой собеседнику информации. <...> Русские **склонны к скромности** при самопрезентации, **не склонны хвалиться** своими успехами; американцы предпочитают агрессивную самопрезентацию. <...> Коммуникативное поведение носителей российской коммуникативной культуры можно охарактеризовать как более эмоциональное и **менее толерантное** по сравнению с американским.

В этом контексте можно упомянуть также выделяемые И. А. Стерниным в русском коммуникативном поведении «коммуникативный пессимизм» и «этикетное бездействие»: оба термина имеют яркую, образную внутреннюю форму, хорошо запоминаются и имеют весьма высокий индекс цитирования в работах коллег-коммуникативистов, хотя обнаруживают несомненную тенденцию к оценочной стереотипизации. (Нашу критику данных терминов см.: [Дементьев 2010].)

Подобную «западно-критическую» точку зрения на русские культурные и коммуникативные приоритеты высказывает и лингвист-публицист Е. В. Ключев [Ключев 2009], утверждающий, что поддерживаемый традиционной русской культурой **разговор по душам** противоречит неким «передовым» жизненным ориентирам (видимо, присутшим людям «деловым», «прагматичным», «индивидуалистичным», ориентированным на западные ценности):

Жутковатое действо под названием „разговор по душам“. Спросите в такой момент собеседников: вы о чем сейчас? В ответ на вас посмотрят как на полного идиота: кому же, дескать, непонятно, что мы ни о чем сейчас! Идет разговор по душам, а у разговора по душам нет никакого „о чем“, нет контуров, нет начала и нет конца. В него погружаются, как в небытие: это только кажется, что собеседники еще живы, а на самом деле их больше нет. Они в полной прострации — и если сейчас внезапно закричать, сердце их разорвется от неожиданности.

Это русский транс, форма своего рода коллективной (даже если коллектив состоит всего лишь из двух человек) медитации — полное растворение в самодостаточной вербальности, когда великий и могучий несет нас по волнам своей свободной стихии. Если при таком русско-русском разговоре присутствует иностранец, для которого русский язык не родной, но — пусть даже и блистательно — выученный, у несчастного этого гостя начинает кружиться голова. И кружащейся своей головой он как-то вдруг понимает, что не знает он языка, что до настоящего знания ему дальше, чем до родины, и что никогда, никогда, никогда не удастся ему освоить ничего, кроме „Мы не рабы, рабы не мы“...

Речевые стратегии собеседников в таком случае могут быть описаны известным только и исключительно русскому человеку выражением — выражением, о котором сломались все иностранные языки мира: „Пойди туда, незнамо куда, и принеси то, незнамо что“. Кто из нас не помнит этой с детства любимой сказочки — с заданием, от которого у любого нерусского мороз бы по коже пошел! А у русского — ни малейшего мороза: задание как задание, чего особенного-то? Щас пойдём и принесем! И нечего раньше времени (тоже суугобо русское выражение: раньше какого времени — неважно!) огород городить. Ну и что же? Идут незнамо куда и приносят незнамо что: прямо как заказывали. Заказчики и те довольными остаются: никаких проблем.

А уж разговор-то незнамо какой незнамо о чем вести — самое привычное для нас дело. Это зарубежных наших партнеров от таких разговоров трясоти начинает, нам же — хоть бы что. Для нас даже особое наслаждение, если беседа к тому же пришла, с чего началась, — вот уж отрада русскому сердцу, никаких обязательств! И не надо, вот только не надо нас к ответственности призывать: душа — штука непредсказуемая: сейчас „лежит“, через час — „не лежит“... имейте, стало быть, уважение. И что, что договаривались? Ну, договаривались. Договаривались, да получается, не договорились. Для чего же нам иначе в языке глаголы несовершенного и совершенного вида — вечный камень преткновения иностранцев — нужны? И хоть вы тут лоб расшибите, а ни в жизнь вам не понять, почему ответ „я читал этот контракт“ отнюдь не предполагает, что контракт „прочитан“. Читал, да не прочитал...

К сожалению, это касается не только популяризаторских или практико-рекомендательных (как пособие И. А. и М. А. Стерниных) работ. Крайняя оценочность — пусть не в столь утрированной форме, но по содержанию такая же — философских, эстетических, публицистических, антропологических и антропоцентрических положений общего характера, встречающихся и/или цитируемых в современных лингвокультурологических работах (начиная от возвышающих не критичных утверждений об «исключительности», «богоизбранности» и заканчивая унижающими, такими как «врожденное рабство» и «стихийная склонность к пьянству, воровству и погромам»), иногда просто поражает. Нечего и говорить, что все это в корне противоречит самому духу научного подхода.

В то же время вряд ли будет правильно определить роль оценочности в лингвистике как однозначно отрицательную.

Оценочность — распространенное явление во многих лингвистических моделях, например, при ранжировании и типологизации речевого материала в лингвоперсонологии [Нерознак 1996]. Так, «вертикальная модель» при изуче-

нии языковой личности предполагает не «простую фиксацию», а определение уровня культуры, владения языком/речью (объем языковой и коммуникативно-речевой компетенции), а также нравственного развития той или иной языковой личности. Это в большей степени аксиологическая/оценочная, стадильная или онтологическая классификация, в которой за выделением разных типов языковых личностей стоит идея «роста», совершенствования; ср. такие типы, как элитарная ~ среднелитературная языковая личность; кооперативная ~ конфликтная; эгоцентрик ~ конформист ~ актуализатор; наконец, типы, выделяемые на основе склонности данной языковой личности к креативности/кооперации/инициативности. Здесь оценочность видна уже в названиях типов личностей.

В этом отношении показательна история терминов в широко известной классификации типов речевых культур В. Е. Гольдина и О. Б. Сиротининой. Напомним, первоначально исследователями выделялись пять типов: элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный и народно-диалектный [Гольдин, Сиротинина 1993]. Впоследствии, по причине оценочности слова *элитарный*, эта терминосистема была заменена на новую: полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный и общедоступный типы как «естественно сформировавшиеся» и литературно-жаргонизирующий как искусственно созданный журналистами [Сиротинина 2003]. По нашему мнению, введение в классификацию литературно-жаргонизирующего типа полезно, поскольку отражает некоторые новые тенденции в речевой практике, однако в целом новая терминосистема является гораздо менее удачной: во-первых, термином *неполнофункциональная* следовало бы обозначать все типы, кроме элитарного, т. е. единственного полнофункционального, во-вторых, термин с «не-» (*неполнофункциональный*) вряд ли может обозначать более высокий уровень культуры, чем термин со «*средне-*» (*среднелитературный*) (так, противоестественно звучит формулировка в докторской диссертации Т. А. Милёхиной: «Уверенно констатируется *неполнофункциональный* тип речевой культуры у Ф., который вырос в семье вузовских преподавателей» [Милёхина 2006: 333] — как похвала типу заведомо ущербному!). В-третьих, оценочность (оценочность слова *элитарный*) — вполне естественное явление в классификации *в е р т и к а л ь н о г о* типа.

В некоторых случаях оценочность, присущая той или иной модели, выступает как вполне объективный критерий, например, при определении уровня овладения иностранным языком взрослыми билингвами [Седов 2004] и родным языком — ребенком-монолингвом [Цейтлин 2009].

Таким образом, вертикальная модель в целом представляется и полезной, и естествен-

ной для задач речевого портретирования, хотя, конечно, характеристики такого рода следует давать очень осторожно.

Вообще говоря, отрицательная роль «лингвонарциссизма», по нашему мнению, определяется не столько оценочностью как таковой, сколько тем, что это — *а б с о л ю т и з а ц и я* такой оценочности; абсолютизация же, применительно к языку или речи, какого-то одного свойства — неизбежно в ущерб другим свойствам — представляется нам гораздо более опасным явлением.

Многие случаи абсолютизации в разные периоды истории языкознания уже получили и широкое обсуждение, и заслуженную оценку, а в последующие периоды потребовалось много усилий для преодоления данных неверных и вредных установок: достаточно вспомнить абсолютизацию языковых структур в структурализме, как и абсолютизацию истории языков и языкового родства в предшествующий сравнительно-исторический период, вплоть до трагикомической истории со словом «рука», от которого, по мнению академика Марра, произошли «все вообще остальные слова» (включая, как известно, слово «жопа» [Жизнь языка 2001: 494]).

Именно от абсолютизации в современном культурологическом изучении русского языка на примере А. Вежицкой и Новомосковской школы изучения концептов предостерегают А. В. Павлова и М. В. Безродный, имея в виду прежде всего абсолютизацию неогумбольдтианских идей.

Я, впрочем, не уверен, что в названных направлениях действительно имеет место абсолютизация неогумбольдтианства, и склонен согласиться с А. Д. Шмелевым в том, что «ярлык „неогумбольдтианцы“ слишком расплывчат» [Шмелев 2011: 21]. Зато по своему опыту знаю, что в современной западной (прежде всего американской) лингвистике очень явной является абсолютизация хомскианства. Немного раньше мировая лингвистика страдала от абсолютизации универсалистских идей: *Подобные „мифологические“ универсалии выдвигались на разных этапах эволюции языкознания; они могут быть отмечены и в настоящее время (сюда относятся, например: утверждение о том, что грамматический строй или элементы грамматики не могут заимствоваться из другого языка; представление об определенной связи генеалогической и традиционной морфологической классификации языков; утверждение о том, что необходимым условием для усвоения чужеродного звука в заимствованных словах является наличие „пустой клетки“ в системе заимствующего языка; упрощенное представление о единстве глоттогонического процесса)* [Успенский 1970: 5]. В итоге абсолютизация универсализма в сочетании с абсолютизацией хомскианства привели к *а н г л о ц е н т р и з м у*, который, по справедливому замечанию А. Вежицкой, во многом до сих пор присущ современной запад-

ной лингвистике (так высоко оцениваемой А. В. Павловой и М. В. Безродным): *Этноцентризм, в особенности англоцентризм, всё так же свирепствует в прагматике <...> Конечно, нет ничего плохого в том, чтобы искать универсальные черты в человеческом коммуникативном поведении, но такое исследование не может быть успешным, если осуществляется в культурном вакууме. Англоязычные правила повседневного общения не должны абсолютизироваться как „человеческие и рациональные“, и все ссылки на „людей“ (типа „люди обычно осуществляют такие и такие инференции“), основанные на коммуникативных нормах, преобладающих в преимущественно англоязычных социумах, должны быть скорректированы посредством отсылок к социально, географически и исторически определенным „говорящим на английском языке“* [Вежбицкая 2007: 132].

Что касается школы А. Вежбицкой, ей, на мой взгляд, действительно присуща абсолютизация идей универсального семантического метаязыка. Не умаляя достижений А. Вежбицкой и ее последователей, описавших множество языковых, речевых, коммуникативных и культурных явлений в нескольких десятках языков в оригинальной («самопонятной» и, в идеале, преодолевающей этноцентризм) терминологии семантических примитивов, отмечу, что требования, с одной стороны, самопонятности и минимальности семантических примитивов, а с другой — требование универсальности в известной степени противоречат друг другу. При определении места того или иного явления в языке не может быть существенным, представлено ли данное явление за пределами данного языка и какое место занимает там, т. е. его универсальность или неуниверсальность. Преимущества описаний, осуществленных на метаязыке семантических примитивов, можно уподобить преимуществам литературы, которая была бы написана при помощи алфавита, состоящего только из самых простых в мире букв, при этом простота написания автоматически приравнивалась бы к распространенности. Вряд ли можно считать дополнительным достоинством данного метода и то, что осуществленные таким способом описания будут-де понятны всему человечеству, любому наивному носителю любого языка, «любому папуасу». Увы, лингвисты не читают работ Вежбицкой; для многих же лингвистов далеко не очевидно, почему определения лингвистических явлений через посредство примитивов «лучше», чем традиционные лингвистические, филологические определения. Попробуйте-ка перевести на примитивы «Войну и мир», или объяснить специфику английской фонетики (например, межзубных согласных) неангличанам, или объяснить таким образом «любому папуасу», чем отличается вкус кари от вкуса чили!

Не избежала абсолютизации и Новомосковская школа изучения концептов, к которой принадлежит А. Д. Шмелев. Имею в виду прежде всего пространственное измерение практически всех ключевых (с точки зрения представителей данной школы) свойств русской концептосферы, представлений и идей, таких, как *душа, правда, дружба, отношения, гостеприимство, справедливость, милосердие*, а также концептуальных оппозиций типа *правда ~ истина, воля ~ свобода, простор ~ пространство, справедливость ~ законность, удаль ~ мужество, радость ~ удовольствие, жалость ~ сочувствие*. Все эти понятия сами по себе так сложны, многомерны и многообразны, что была бы ошибочной любая попытка привести их к одному знаменателю, в том числе к одному пространственному измерению: «Концепт „воли“ хорошо согласуется с пространственной (бытийной) ориентацией русского языка, а также с понятием стихии и стихийных действий. *Простор — воля — стихия* образуют единый комплекс» [Арутюнова 1999: 813]; «По сравнению с *волей* свобода в собственном смысле слова оказывается чем-то ограниченным, она не может быть в той же степени желанна для „русской души“, сформировавшейся под влиянием широких пространств» [Шмелев 2002: 73]. Дело доходит до выявления клаустрофобии в качестве черты русского национального характера! [Там же: 78].

Трудно согласиться и с гедонистическим объяснением значений ключевых слов русской культуры, тоже в конечном счете выводимым из чисто пространственных идей («*Простор* — это когда легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно, когда *есть разгуляться где на воле*» [Там же: 75]; обращается внимание на «различие между *пространством* как само собою разумеющейся системой координат и *простором* как источником радости» [Там же]). Думается, потребительски-гедонистическое отношение противоречит очень важной для этих слов *нравственной* оценке. *Счастье, радость, восторг, восхищение* (в том числе *восхищение широкими просторами*) действительно присутствуют в их семантике, но эти состояния *души* могут быть настоящими только в результате правильного нравственного выбора, когда к ним приходят ценой *жизни по правде*, соответствующей изначальному высокому, праведному, а вовсе не потребительскому предназначению человека (такова, по крайней мере, семантика этих слов). Не отрицая важности «пространственного» содержательного компонента для целого ряда безэквивалентных лексем русского языка (*даль, ширь, раздолье, приволье*), я считаю, что для понимания такого, например, русского концепта, как *гулять на воле*, конечно, важна идея отсутствия пространственных ограничений, но гораздо важнее идея *внутренней* свободы, *воли*, отсутствия псих-

хологического подчинения ограничени-ям, накладываемым не столько физически малым, тесным пространством, сколько социальным институтом, имеющим власть.

Именно абсолютизация, по моему убеждению, наносит сокрушительный удар по самой сути научного подхода, превращая «всё остальное» в слабо внутренне дифференцированный континуум; соответственно страдает теория, методика, терминология. Ср. следующую принадлежачи перу представителей Новомосковской школы формулировки в разделе о том, что, по всей видимости, могло бы быть определено как русские коммуникативные ценности: *Один из ключевых сквозных мотивов русской языковой картины мира — это внимание к нюансам человеческих отношений. <...> В основе слова родной лежит совершенно особая идея: я к тебе так отношусь, как будто ты мой кровный родственник. <...> Итак, для русской культуры родственные отношения обладают не только огромной ценностью, но и чрезвычайной эмоциональной насыщенностью. <...> Попрек несет на себе печать близких, часто семейных отношений, причем попрекаемый обычно уже и так находится в униженном или зависимом положении, попреки делаются как бы „сверху вниз“. Идея недопустимости попреков чрезвычайно органично вписывается в закрепленную в русском языке систему этических представлений. <...> Можно сказать, что рисуемая русским языком картина вполне аналогична евангельской идее, что, когда человек делает добро, его левая рука не должна знать, что делает правая... и т. д.* Как видим, для обозначения по сути русских коммуникативных ценностей [ср.: Ларина 2009: 57—90] исследователи используют целый набор (было бы преувеличением назвать его «системой») слабо внутренне дифференцированных номинаций. По-видимому, метаязык описания, используемый Анной А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелевым, и не претендует на звание строгой терминосистемы — по крайней мере, такое впечатление складывается из приведенных цитат, произвольно взятых из их большой коллективной статьи «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2002] и одноименной коллективной монографии [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], представляющей собой в основном перепечатку статей этих авторов, написанных с 1994 по 2003 г.

Конечно, здесь перечислены далеко не все аспекты проблемы оценочности, абсолютизации и «лингвоархизма» как явлений и тенденций, иногда присущих современной науке о языке, в том числе русском. Тенденции эти, при всех их различиях, имплицитно некую неявную, но ощутимую опасность. Ее, конечно, не следует преувеличивать, закрывая глаза на все хорошее, все ценное, что сделано в рамках то-

го или иного подхода (например, лингвокультурологического), но и недооценивать тоже не стоит. Таким образом, необходимо четко представлять себе природу, место и роль в лингвистических исследованиях данных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В. М. История лингвистических учений. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки славянской культуры, 1999.
- Базылев В. Н. Политика и лингвистика: «великий и могучий...» // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29).
- Вежбицкая А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи. — Саратов, 2007. Вып. 5: Жанр и культура.
- Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. — Саратов: Изд-во СГУ, 1993. Вып. 25.
- Дементьев В. В. Теория речевых жанров. — М.: Знак, 2010.
- Драгункин А., Образцов А. В начале было слово. Русское. — СПб.: Андра, 2005.
- Жельвис В. И. Эти странные русские. — М.: Эгмонт Россия Лтд, 2002. (Сер.: Внимание: иностранцы!)
- Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию Михаила Викторовича Панова. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Клюев Е. В. Русскость русских // Дружба народов. 2009. № 2.
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Языки славянских культур, 2009.
- Милёхина Т. А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур): дис. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2006.
- Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. — М.: Изд-во МГЛУ, 1996. Вып. № 426: Язык. Поэтика. Перевод.
- Павлова А. В., Безродный М. В. Хитрушки и единокор: из истории лингвоархизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38).
- Плешанов А. Д. Русский алфавит — код общения человека с космосом. — М.: Новый центр, 2002.
- Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. — М.: Лабиринт, 2004.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 1993.
- Сиротинина О. Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь. — М.: Флинта: Наука, 2003.
- Стернин И. А., Стернина М. А. [ред.]. Американское коммуникативное поведение. — Воронеж, 2001.
- Успенский Б. А. Проблема универсалий в языкознании // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1970. Вып. 5: Языковые универсалии.
- Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. — М.: Наука, 2009.
- Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. — М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Шмелев А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвоархизма»? // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38).